АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
26 (89)

ФИЛОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

А. В. Пайкова

ПОВЕСТЬ О ЕВФИМИИ И ГОТЕ

(К вопросу об определении языка оригинала)

Анонимная «Повесть о Евфимии, дочери Софии, и о чуде, которое совершили с ними исповедники Шамуна, Гурия и Хабиб», представляет бытовое повествование с авантюрным сюжетом. Написанная на темы сирийской «Хроники» Иешу Стилита, она обнаруживает в то же время многие черты, присущие произведениям беллетристических жанров: тщательно разработанный сюжет, появление вымышленных героев, яркая характеристика образов, большое внимание к организации прямой речи как выразительному средству этой характеристики, применение приема deus ex machina и выбор «условного времени».[1] Все это свидетельствует о большом искусстве повествователя. Вопрос состоит в том, кто этот талантливый автор повести — греческий писатель или сириец.

Существует утверждение, что греческий текст является оригиналом, никак не связанным с сирийской литературой. Решение этого вопроса представляется нам актуальным в связи с тем, что на протяжении долгого времени о сирийской литературе существовало предвзятое мнение как о литературе малозначительной и однообразной, а о сирийцах — как о людях посредственных, не блиставших «ни в военном деле, ни в науках, ни в искусстве». Они считались прилежными переводчиками, безыскусными подражателями. По словам В. Райта, сирийцы «постоянно заимствовали поэтический огонь у древних евреев и у арабов. Но они были достаточно способными учениками греков; они усваивали и воспроизводили, мало или ничего не прибавляя своего собственного».[2]

Несправедливость подобного суждения в отношении сирийских исторических источников убедительно доказана трудами Н. В. Пигулевской.[3] Наша задача состоит в том, чтобы показать активную творческую роль сирийцев в создании повествовательной литературы, принимая во внимание тот факт, что ряд широко известных византийских легенд восходит к сирийским образцам и оригиналам.[4] Первой в этом ряду мы назовем легенду о Евфимии и готе.

---

[1] О художественных особенностях повести см.: Пайкова А. В. К вопросу о возникновении беллетристического повествования в сирийской литературе.— Палест. сборник, 1971, вып. 23 (86), с. 173—178.

[2] Райт В. Краткий очерк сирийской литературы. Под редакцией и с дополнением П. К. Коковцова. СПб., 1902, с. 1.

[3] См.: Пигулевская Н. В. 1) Месопотамия на рубеже V—VI веков. М.—Л., 1940; 2) Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941; 3) Византия и Иран на рубеже VI—VII веков. М.—Л., 1946; 4) Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.

[4] Определению роли сирийской литературы в создании и распространении раннехристианских легенд типа апокрифов посвящено оригинальное исследование Е. Н. Мещерской (Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник (Исторические корни в эволюции апокрифической легенды). Автореф. на соискание ученой степени канд. фил. наук, Л., 1973).

Как считает немецкий ученый О. Гебхардт,[5] эта повесть, известная якобы лишь в греческой традиции, не восходит к сирийской литературе. В пользу этого утверждения приводятся следующие доводы: 1) нет ни одного сирийского текста этой повести, даже в гомилиях Иакова Серугского о ней не упоминается; 2) греческий текст не носит никаких следов сирийского оригинала; 3) библейские цитаты взяты из Септуагинты, в то время как в мученичествах Гурии, Шамуны и Хабиба, тесно связанных с этой повестью, они даны в переводе с сирийского; 4) матери и дочери даны широко распространенные тогда греческие имена; 5) греческий характер носят все новеллистические мотивы повести (например, выдача девушки замуж на чужбину и превращение ее там в рабыню); 6) спасение из склепа и перенесение девушки в Эдессу имеют аналогию с подземным путешествием Феклы.

При подробном рассмотрении ни один из приведенных доводов не кажется достаточно убедительным, чтобы иметь решающее значение в вопросе о первичности или производном характере греческого текста.

Попытаемся далее обосновать свои возражения по каждому пункту в той последовательности, которой придерживался О. Гебхардт.

Начнем с того, что сирийский текст повести о Евфимии существует и издан в 1910 г.[6] (по рукописи XIII в. Парижской национальной библиотеки [7]). Существует также рукопись IX в., хранящаяся в Британском музее.[8]

Что касается отсутствия упоминания о Евфимии и Софии в сочинениях Иакова Серугского, этому может быть найдено двоякое объяснение.

Иаков Серугский — один из выдающихся сирийских писателей, его перу принадлежит, как об этом свидетельствуют Иаков Эдесский [9] и Бар Эбрей,[10] около семисот стихотворных гомилий. Нам известна одна из гомилий, содержащая легенду об Александре Македонском,[11] и другая, включающая сказание о семи отроках Эфесских.[12] Недоумение О. Гебхардта, вызванное тем, что этот автор обошел вниманием такое яркое и значительное сирийское сочинение, как повесть о Евфимии и готе, и вывод, сделанный им из этого факта, были бы понятны и приемлемы, не будь мы лишены возможности судить о творчестве Иакова Серугского в его полном объеме. Однако из всего его огромного наследия осталось и хранится в разных коллекциях меньше половины сочинений. Остальные же погибли, и о содержании их можно только строить предположения.[13]

Решение вопроса об отношении Иакова Серугского к нашей повести зависит в значительной степени, как нам кажется, от ее датировки. В греческой рукописной традиции повесть о Евфимии, или «чудо», как называют ее исследователи, неразрывно связана с мартириями Гурии, Шамуны и Хабиба. Все рукописи, содержащие мартирии, включают и повесть,

---

[5] См. раздел «Das Wunder» в кн.: Die Akten der edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos aus dem Nachlass v. Oskar von Gebhardt. Herausgegeben von Ernst v. Dobschütz, 1911. S. L—LXI.

[6] См.: N a u F. Hagiographie syriaque.— Revue de l'Orient Chretien, 1910, t. V.

[7] Manuscrits orientaux de la Bibliothèque de Paris, t. II, № 234, p. 184.

[8] Catalogue of the syriac manuscripts in the British Museum by W. Wright (part III, p. 1109, Add. 14649, № 17).

[9] Jacobus Episcopus Sarugensis.— Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana, t. I. Roma, 1719, p. 299.

[10] B a r h e b r a i i G. Chronicon ecclesiasticum quod e codice Mus. Brit. descriptum conjuncta opera eliderunt, latinitate donarunt annotationibusque theologicis, historicis, geographicis et archeologicis illustrarunt J. B. Abbeloos et T. J. Lamy, t. I. Louven, 1872, p. 191.

[11] B u d g e E. A. The history of Alexander the Great, being the syriac version of the Pseudo-Callisthenes. Cambridge, 1889; П и г у л е в с к а я Н. Сирийская легенда об Александре Македонском.— Палест. сборник, 1958, № 3 (66), с. 75—97.

[12] Testi orientali inediti sopra i sette dormienti di Efeso, pubblicati et tradotti dal socio Ignazio Guidi. Roma, 1885, p. 18—29.

[13] Р а й т В. Краткий очерк истории сирийской литературы, с. 50.

при этом одно сочинение следует непосредственно за другим (Оксфордская рукопись X—XI вв., две Ватиканские рукописи X в., три — XI в., две — XII в., одна — XIII в., Венская рукопись XI в., Берлинская— XI в. и т. д.[14]). Кроме того, в греческой традиции опущена первая часть названия сочинения — «Повесть о Евфимии, дочери Софии» — и сохранена лишь вторая — «Чудо, совершенное святыми исповедниками Самуной, Гурией и Авивом». В связи с этим создалось предвзятое мнение о хронологической близости этих сочинений. Некоторые исследователи принимают даже мартирий и повесть за единое сочинение.[15] Между тем, если датировка мартирия IV в. не лишена оснований, то принять эту дату по отношению к повести не представляется возможным, несмотря на то что в самом ее тексте назван 395 г. н. э. как начало описываемых событий. Некоторые исследователи предполагают в создателе ее очевидца событий, связанных с нашествием гуннов. Однако не следует забывать, что в повести речь идет о двух вторжениях — первом, относящемся к 395 г. н. э., и втором, дата которого в повести не названа. Из других источников известно, что второе вторжение гуннов в «ромейские пределы» было почти сто лет спустя после первого. Так, Эдесская хроника VI в.[16] относит это событие к 843 г. (по селевкидскому летосчислению).

Нам кажется более вероятным, что автор писал после второго нашествия, т. е. после 531 г. н. э., ибо в противном случае он должен был бы выдумать его сам.

Первое нашествие описано на основании «Хроники» Иешу Стилита. Несомненно, что автор повести читал эту книгу и пользовался ею, о чем говорит начало повести, почти дословно совпадающее с записью Иешу Стилита.[17] Уместно теперь упомянуть, что последняя запись в «Хронике» относится к 506 г. н. э. Следовательно, в любом случае повесть не могла быть написана ранее первой четверти VI в.

Принимая во внимание все изложенное и тот факт, что Иаков Серугский умер в 521 г. н. э., можно предположить, что он не был знаком с повестью, а потому и не мог упоминать о ней в своих сочинениях.

Греческий текст, по мнению О. Гебхардта, не носит никаких следов сирийского. Напомним, что ученый исследовал лишь этот греческий текст, не привлекая сирийского, поскольку был убежден, что сирийского текста не существует. В некоторых случаях, когда зависимость одного сочинения от другого носит ярко выраженный характер и следы языка оригинала отчетливо проступают сквозь ткань перевода, такое одностороннее исследование дает достаточно убедительный материал для компетентного суждения о происхождении текста.[18] Однако чаще выявление следов оригинала в переводном сочинении требует последовательного сличения обоих текстов, в процессе которого представляется возможность

---

[14] Перечень и описание греческих рукописей дает О. Гебхардт в кн.: Die Akten der edessenischen Bekenner. . . , S. XVII—XXIV.

[15] Так, С. В. Полякова пишет в статье «Византийские легенды как литературное явление»: «Такова же ситуация в мученичестве Гурия, Самона и Авива: женщину, обвиняемую в убийстве своей госпожи, кладут в гробницу рядом со зловонным, разлагающимся трупом». См.: Византийские легенды. Л., 1972, с. 264.— Однако эта ситуация имеет место не в мученичестве Гурия, Самона и Авива, а в повести о Евфимии и готе.

[16] Chronicon Edessenum.— Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana, t. I. Roma, 1719, p. 415.

[17] В другой связи мы приводим параллельно эти отрывки: см. с. 98 настоящей работы.

[18] В качестве примера приведем анализ имен собственных в древнесирийской версии «Калилы и Димны» (VI в.), проведенный Т. Бенфеем. Рассмотрев значительное число имен, он пришел к выводу, что характер трансформации санскритских слов в сирийском тексте свидетельствует о наличии среднеперсидского перевода как посредующего звена между санскритским оригиналом и сирийской версией. См.: Kalilag und Damnag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. Text und deutsche Übersetzung von G. Bickell mit einer Einleitung von Th. Benfey. Leipzig, 1876, S. LXIX—LXXII.

обнаружить в одном из них разного рода ошибки, алогичные построения, нераскрытые ситуации, неверно отраженные реалии и т. д., объяснения которым могут быть найдены лишь в параллельном тексте. В таком случае этот последний и должен быть назван оригинальным.

Говоря об использовании Септуагинты в греческом тексте повести, вряд ли правомерно на этом основании делать какие-то выводы. То, что автор греческой версии использовал Септуагинту, а не сирийскую версию Библии, — явление закономерное, не говорящее само по себе ни «за», ни «против» доводов О. Гебхардта.[19]

Следует отметить при этом, что в сирийском тексте повести нет ни одной цитаты в чистом виде: это либо реминисценции, либо параллели, либо намеки на библейские сюжеты. Судить на основании этих примеров, какой версией Библии пользовался автор — греческой или сирийской, — не представляется возможным.

Использование женских имен с легко прослеживаемой этимологией (София — мудрая — для предусмотрительной и осторожной женщины, упорно отклонявшей мольбы и предложения вероломного гота; Евфимия — чистая, неискушенная — для ее дочери) — условный литературный прием, примененный автором для характеристики женских образов. К этому следует добавить, что греческие имена имели широкое хождение в среде сирийцев.

Новеллистические мотивы, широко распространенные в античной греческой литературе и нашедшие отражение в построении сюжета нашей повести, могли быть знакомы сирийцам именно из этой литературы, которую они изучали, хорошо знали и переводили. А. Н. Веселовский, говоря о применении христианами античных сюжетов, писал, что христианский писатель, прошедший известную школу и увлеченный внешним сходством сюжета и положений, бессознательно находил в своих литературных воспоминаниях некоторые из форм и приемов, развитых на почве греческого романа, и использовал их в своих сочинениях.[20]

Мотивы, которые О. Гебхардт считает присущими лишь греческой литературе, кажутся нам заранее заданными самой темой повествования, естественно вытекающими из той совокупности событий (нашествие варваров, увод в плен жителей сирийских городов, превращение пленников в рабов и т. д.), о которых сообщают сирийские источники. Здесь можно, видимо, говорить о бродячих сюжетах, точнее, сюжетных основах (комбинациях функций героев) при различном фабульном материале.[21]

Говоря о сходстве судьбы Евфимии с подземными странствиями Феклы, О. Гебхардт замечает: «Здесь не сказано, каким образом три святых доставили девушку к своему храму в Эдессу».[22]

Однако с этим утверждением нельзя согласиться, поскольку косвенный намек на способ перенесения девушки в тексте есть: «Несказанное чудо случилось с ней, как с пророком Аввакумом, в его время. Когда голоден был Даниил, брошенный в ров львиный в Вавилоне, пища из Иерусалима при посредстве Аввакума была послана ему. Точно так же божественной силой, скрытой в костях мучеников, святых исповедников, к которым она взывала, в эту ночь она перенесена была на гору Орхай».[23]

---

[19] Сошлемся здесь на авторитет Т. Нельдеке, который в рецензии на издание И. Гвиди легенды о семи спящих отроках эфесских писал: «То, что у сирийца библейские места взяты из Пешитты, не имеет большого значения; ведь и при переводе (греческого,— *А. П.*) он мог бы использовать общий библейский текст сирийцев». См.: Göttingliche gelehrte Anzeigen, 1886, B. 1, № 11, S. 453.

[20] Из истории романа и повести. Материалы и исследования А. Н. Веселовского, вып. 1. СПб., 1886, с. 48.

[21] См.: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе.— В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 17.

[22] Die Akten der edessenischen Bekenner. . . , S. L.

[23] Nau F. Hagiographie syriaque, p. 174.

История Аввакума изложена в известной библейской легенде (Дан. XIV, 30—42), из которой следует, что способ перенесения Аввакума из Иудеи в Вавилон ничего общего с подземными странствиями Феклы не имеет. Если можно говорить о сходстве, то лишь в плане пребывания обеих героинь, Феклы и Евфимии, в подземелье,[24] дальше этого сходство не идет. Таким образом, и эта параллель мало помогает в выяснении вопроса о происхождении нашей повести.

Обратимся теперь непосредственно к сирийскому тексту. Подробный анализ содержания дает, как нам кажется, убедительные свидетельства в пользу того, что повесть сложилась в среде сирийцев и была записана впервые на сирийском языке. Действие происходит в Эдессе — на улицах города, в доме Софии, в храме святых исповедников Гурии, Шамуны и Хабиба. В повести действует Мар Евлогий, епископ Эдессы с 379 по 387 г., — лицо историческое, достаточно хорошо известное по сирийским источникам.

В центре повествования образ девушки-сириянки. Симпатии автора неизменно на стороне героини на протяжении всего повествования; даже в такой ситуации, когда справедливость требует ее осуждения, он находит нравственное оправдание ее поступку. Более того, на стороне девушки, по словам автора, даже жители иноземного города, где она жила в семье гота как рабыня и где совершила убийство. Когда жена гота была отравлена, родственники, догадавшись, что это сделала «чужая», рабыня, решили замуровать ее в могиле рядом с трупом убитой ею госпожи. И когда они тащили ее с побоями к могиле, жители города возмутились и решили прийти потом и выпустить ее оттуда. Пристрастное отношение автора к своей героине выражается в этом эпизоде особенно отчетливо.

Образ гота дан, напротив, в резко отрицательных тонах. С первого появления на страницах повествования он награждается эпитетами «лживый», «коварный», «вероломный обманщик» и т. д. Он еще и не сделал ничего дурного, а отношение читателя уже подготовлено и предопределено. И в этом мы усматриваем влияние «Хроники» Иешу Стилита, посвятившего многие страницы описанию бесчинств, творимых готами, которые пришли в Эдессу как спасители, а грабили и разоряли почти как враги. «Многих бедняков они сгоняли с постелей и сами занимали их места. Хозяева же ложились на полу, даже если был очень холодный день. Других они прогоняли совсем, заставляя уйти из домов, и поселялись там. У одних они уводили скотину, с других срывали одежду и забирали ее. Некоторых они избивали, с другими ругались на улицах по каждому пустяку. Они забирали то немногое из съестных припасов, что сохранилось у жителей сел и городов, и открыто грабили на дорогах. Поскольку гостиниц и домов для постоя не хватало, они селились вместе с ремесленниками в их лавках. Они насиловали женщин в домах и на улицах, на глазах у всех, а вдов и старух заставляли прислуживать им, отбирая масло, дрова, соль и другое, необходимое для их нужд. Они притесняли всех — больших и малых, — так что не осталось ни одного, кто не испытал бы на себе проявления их злой воли».[25]

Кажется уместным привести для сравнения греческое житие Никиты, где Никита, готский воин (IV в.), изображен как муж справедливый и мудрый, борец во имя добра.[26]

---

[24] См.: Wright W. Apocryphal acts of the apostles. London, 1871, vol. I (сирийск. текст), p. محس-محل; vol. II (англ. перевод), p. 116—145.

[25] The chronicle of Joshua the Stylite, composed in syriac A. D. 507 with a translation into english ant notes by W. Wright. Cambridge, 1882, p. 80—81; см. также: Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., с. 165.

[26] Из курса лекций Н. А. Мещерского «Переводная славянская литература» (раздел «Новозаветные апокрифы»). См.: Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы, т. II. СПб., 1863, с. 112—120.

Как мы уже упоминали, автор нашей повести был хорошо знаком с сирийской хроникой Иешу Стилита, которая повествует о событиях из истории Месопотамии V—VI вв. Бесконечные войны, эпидемии чумы, землетрясения, неурожаи, голод — вот испытания, выпавшие на долю населения этих областей. Нашествие гуннов, их продвижение вплоть до Эдессы, прибытие союзных войск, бедственное положение города, установление мира и возвращение войск на родину — это тематическая первооснова, определенная «Хроникой», которая в повести получила полное художественное воплощение. На фоне исторических событий в повести действуют герои, конкретные образы которых — плод художественного вымысла автора. Он как бы исполнил пожелание Иешу Стилита, который, сетуя на невозможность охватить в своем труде все трагические подробности происходившего, писал: «. . .мучения, которые испытал каждый отдельный человек, таковы, что могли быть описаны в длинных историях».[27] Одной из таких историй и явилась повесть о Евфимии и готе.

С другой стороны, повесть тесно связана с сирийским мартирием Гурии и Шамуны. Культ святых Шамуны и Гурии (и Хабиба) был широко распространен в среде сирийцев. Они считались защитниками и покровителями Эдессы. В городе было два храма святых-исповедников, об одном из которых, построенном в 346 г. епископом Авраамом, говорится в повести. Описание подвижничества святых искусно вплетено в текст повести о Евфимии: замурованная в склепе девушка обращается с молитвой к святым, и они чудесным образом за одну ночь переносят ее из страны гота в Эдессу. Без этого эпизода мартирий Гурии и Шамуны, с точки зрения литературного канона, носил отпечаток незавершенности: чудеса, или чудо, — это один из элементов канонической схемы, по которой строились обычно сочинения мартирологического плана.[28]

Таким образом, «Хроника» Иешу Стилита, повесть о Евфимии и мартирий Гурии и Шамуны составляют своеобразный литературный триптих, и хотя все три сочинения относятся к разным литературным жанрам — историческому, беллетристическому и агиографическому, наличие внутренней связи между ними не вызывает сомнений. Эта связь не могла быть столь органически тесной, если бы одно из трех сочинений не принадлежало сирийской литературе.

Литературно-исторические критерии не являются, однако, решающим доказательством в вопросе об определении языка оригинала. Окончательный вывод может быть сделан только на основе анализа языка исследуемого сочинения.

В настоящей статье мы попытаемся провести такой анализ сирийской и греческой версий и дать оценку греческим элементам в сирийском тексте.[29]

Как мы уже отмечали, существуют две сирийские рукописи. Одна из них, хранящаяся в Парижской национальной библиотеке (XIII в.), легла в основу издания, которым мы и пользовались в нашей работе. Что касается греческого текста, то имеются три редакции, опубликованные Е. Добшюцем (по материалам О. Гебхардта) в упомянутой книге «Die Akten der edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos». На основе нескольких рукописей здесь дан сводный текст, который в случае расхождений оформлен в виде параллельных столбцов, соответствующих двум редакциям — пространной и краткой. Третья редакция содержит обработку Симеона Метафраста, которому принадлежит огромный труд по

---

[27] The chronicle of Joshua the Stylite, p. 81.

[28] См., например: Адрианова-Перетц В. П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв.— В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 67.

[29] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Е. Н. Мещерской, чьи постоянные консультации по всем вопросам, связанным с греческим текстом, помогли выполнению этой работы.

собиранию и литературному оформлению греческих агиографических текстов. Обработка сказаний, осуществленная Метафрастом, касалась, как правило, формы и стиля. По словам Михаила Пселла, «Симеон был чрезвычайно внимателен к древним образцам и не отступал от них, чтобы не казалось, что он создает нечто новое, не соответствущее образцу. Симеон переделывал только внешний вид сказания, не меняя материи, но выправляя погрешности в выражениях. Он не вводил новых мыслей, но изменял речевые обороты».[30]

Поскольку нас интересуют именно «погрешности в выражениях» и «речевые обороты» в их первоначальном виде, редакция Метафраста в нашей работе использована быть не может, и мы оставляем ее в стороне.[31] Из двух первых редакций пространная представляет обработку краткой. Она носит более «книжный» характер: лаконичность изложения переходит подчас в витиеватость, прямая речь, свойственная живой разговорной форме первоначального текста, заменена, как правило, косвенной. Сирийский текст ближе к краткой греческой редакции.

Повесть написана хорошим сирийском языком в живой разговорной форме. Автор широко использует синонимы и сравнения, охотно вводит диалог, при этом прямая речь строго индивидуализирована: разговор неграмотной женщины отличается от речи образованного епископа и т. д. С помощью языковых средств умело переданы различные эмоциональные состояния героев. Все это свидетельствует о свободном владении автором сирийским языком.

Следует отметить, что в тексте встречаются греческие слова. Однако нужно иметь в виду, что слова чужого языка, встречающиеся в том или ином тексте, могли появиться в нем не через посредство прямого перевода, а путем заимствования лексики одного языка другим. Эта возможность представляется вполне реальной, если учесть языковую ситуацию в Сирии, где существовавшее на протяжении веков двуязычие создавало естественные условия для взаимовлияний и заимствований. «Со времен селевкидов в области Антиохии и Приморской Сирии имело место внедрение греческих элементов культуры в арамейскую языковую среду. Антиохия стала местом скрещения, взаимного влияния. Когда угасла слава Петры и Пальмиры, Антиохия вновь заняла центральное положение и греческий язык был как обиходным, так и литературным».[32]

Греческий язык был языком городов, в то время как сельское население говорило по-арамейски. Греческий был также языком администрации вплоть до арабского завоевания, когда халиф ал-Валйд (705—715) заменил его арабским.[33]

Это положение подтверждает один агиографический текст, иллюстрируя в живых описаниях, как это свойственно агиографии вообще, обращение в обиходе двух языков — греческого и сирийского. Сочинение повествует о двух юношах, происходящих из Эдессы. Родной язык их — сирийский. На нем они говорят между собой — обстоятельство, которое автор подчеркивает неоднократно, в одном случае сохранив даже сирийскую фразу: ... και παραμυθεῖται αὐτήν και λέγει αὐτῇ τῇ Σὺρα διαλέκτῳ «λα δέχρε λιχ εμ»

---

[30] Цит. по: Попова Т. В. Симеон Метафраст.— В кн.: Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М., 1969, с. 81.

[31] Следует отметить, что в нашем тексте Симеон Метафраст изменял также и содержание, опуская некоторые детали (например, то, как ни о чем не подозревающее дитя тянется к женщине, которая дает ему яд), а другие, наоборот, усиливая (мысль о том, что мать погибшего ребенка в свою очередь применяет яд, чтобы установить истину). Он приводит многочисленные цитаты из Библии и других сочинений. Подробнее см.: Die Akten der edessenischen Bekenner. . . , S. XXXIII.

[32] Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. (Рукопись). С. 116.

[33] Этот факт приводит в своей «Хронике» Бар Эбрей. См.: Barhebrae G. Chronicon syriacum. Parisiis, 1890, p. 115.

ὅ ἐστιν μή λυποῦ μῆτε'ρ — «...и, утешая ее, сказал ей на сирийском языке „ܠܐ ܬܕܟܪܝ ܠܝܟ ܐܡܐ“,[34] что значит „Не печалься, мать!“».[35]

И в то же время, по словам автора, они свободно владеют греческим языком.

Число греческих слов в тексте повести невелико (при сравнительно небольшом объеме самого текста). Приведем их полный перечень:

ܟܕܝܢܐ, ܟܢܝܢܐ, ܓܝܪܐ	ξένος	— гость, пришелец, чужестранец, чужой
ܣܛܪܛܝܠܐܛܝܣ	στρατηλάτης	— военачальник, вождь
ܐܦܝܣܩܘܦܐ	ἐπίσκοπος	— епископ
ܒܪܒܪܐ	βάρβαρος	— чужеземный, не греческий, варварский
ܓܠܘܣܣܘܩܘܡܘܢ	γλωσσόκομον	— гроб
ܓܢܐ, ܓܢܐ	γένος	— род, поколение, народ
ܕܝܕܐܣܩܐܠܝܘܢ	διδασκάλιον	— учение, наука, знание, познание
ܐܪܘܡܐ, ܐܪܘܡܐ	ἄρωμα	— душистые коренья, благовония, аромат
ܠܝܣܛܝܪ, ܠܝܣܛܝܪ	ληστήρ	— разбойник, грабитель
ܦܪܡܢܘܢܐܪܝܘܣ	παραμονάριος	— церковный служитель, ризничий
ܦܪܢܝܐ	φερνή	— выкуп за невесту
в сочетании ܟܬܒܐ ܕܦܪܢܝܐ		— брачный контракт
ܩܘܛܘܢ, ܩܘܛܢܐ	κοιτών	— спальня, внутренняя комната
ܟܠܝܪܘܣ	κλῆρος	— духовенство, клир

Часть этих слов, связанных с церковной организацией и богослужением, вошла в сирийский язык в процессе христианизации Эдессы (ἐπίσκοπος, κλῆρος, παραμονάριος и др.). Такие слова — и в еще большем количестве — можно найти в любом тексте, не только агиографическом, но и светском. О внедрении этим путем греческих слов в сирийский язык писал Э. Швицер в своей «Грамматике греческого языка» в разделе, посвященном влиянию греческого на другие языки: «К языкам Передней Азии, которые испытали на себе наиболее сильное влияние греческого, принадлежат коптский, т. е. язык христианского Египта, и сирийский — восточноарамейский диалект Северной Месопотамии. С двух сторон шло это влияние греческого на сирийский: во-первых, посредством распространения эллинистической культуры и, во-вторых, посредством христианско-греческой письменности».[36]

Н. В. Пигулевская в работе, посвященной «Хронике» Иешу Стилита, приводит список, состоящий из 72 греческих слов.[37] Как известно, хро-

---

[34] ܠܐ ܬܕܟܪܝ ܠܝܟ ܐܡܐ — искаженное в греческой передаче сирийское выражение, полное восстановление которого при отсутствии сирийского текста не представляется возможным. Адекватность его греческому μή λυποῦ μῆτέρ устанавливается по соответствию отрицания ܠܐ, употреблению глагольной формы ܬܕܟܪ (от глагола ܕܟܪ — печалиться, убиваться) и значению имени ܐܡܐ — мать.

[35] Ryder Lennart. Das Leben des Heiligen Narren Simeon von Neapolis.— Acta universitatis Uppsaliensis. Studia Graeca, 1963, 4, S. 138. См. также: Жизнь и деяния аввы Симеона, юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неаполя Критского.— В кн.: Византийские легенды. Л., 1972, с. 55.

[36] Griechische Grammatik, im Anschluss an C. Brugmanns, bearbeited von Ed. Schwyzer. München, 1939, S. 159.

[37] Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V—VI вв., с. 175—176.

ника была написана на сирийском языке сирийским автором. Часть грецизмов, которые встречаются в нашей повести, включены в приведенный Н. В. Пигулевской список (γλωσσόκομον, κλῆρος, ξένος, παραμονάριοι, στρατηλάτης). Более того, все эти и аналогичные им слова встречаются в сирийском тексте мартирия Гурия и Шамуны. О. Гебхардт в этой связи пишет: «Сирийский текст воспринимается исключительно как оригинал; точное название места указывает на Эдессу. Такой знаток, как Т. Нельдеке, отмечает свободный стиль, хороший сирийский язык, на котором написаны акты. Правда, он испорчен бесчисленными заимствованными словами более позднего времени; римская администрация и организация войска с их употреблением латинского и греческого языков внесли сюда значительный вклад: мы читаем ἀπόφασις, ἄρχων, βῆμα, γένος, γλωσσόκομον, commentaresius, craticula, δικαστήριον, ἐπίσκοπος, exceptores, ζεῦγος, ἡγεμών, κοιμητήριον, officum, speculator, στρατιῶται, σφᾶῖρα, τάξις, τόρνος, ὑπατεία, ὑπομνήματα. Не нужно удивляться, что вместо обычного (местного) названия города ܐܕܶܣܰܐ дважды появляется греческое Ἔδεσα. Из этого ни в коем случае не следует, что сирийский текст не является оригинальным. Это указывает лишь на те круги в Эдессе, которые находились под сильным греческим влиянием; о том же говорят и греческое имя (действительное или предположительное) автора — Феофил, — и его хорошее знакомство с греческой мартирологической литературой».[38]

Далее, ссылаясь на Г. Мезингера,[39] О. Гебхардт пишет, что то же самое явление наблюдается в актах Шарбиля и Барсамьи. Таким образом, повесь о Евфимии не является исключением из ряда аналогичных сочинений, и цитированное выше заключение относительно оригинального, а не переводного характера мартирия Гурия и Шамуны может быть с полным основанием приложимо и к нашей повести.

Более того, греческое влияние отразилось в ней, как нам кажется, в меньшей степени, чем в указанных мартириях, и вряд ли справедливо было бы утверждать, что она «засорена грецизмами».

Немецкий ученый А. Шалль в специальном исследовании о греческих заимствованиях в сирийском языке[40] анализирует с этой точки зрения такие значительные памятники сирийской церковной и светской литературы, как «Послание» Мары бар Серапиона, Повесть об Ахикаре, рассказ о наводнении в Эдессе из Эдесской хроники VI в., «Книгу законов стран» Бардесана, «Гимн о душе» в апокрифических актах апостола Фомы, гомилии Афраата и др. Характеризуя гомилии Афраата, он пишет, что они представляют большую ценность для знакомства с языком древнесирийской церкви, так как почти совсем свободны от греческого влияния. Часть извлеченных нами из повести о Евфимии греческих слов встречается в сочинениях Афраата (ܟܠܝܪܘܬܐ, ܟܘܡܘܪܬܐ, ܦܬܓܡܐ, ܟܘܡܘܪܬܐ, ܦܬܓܡ, ܟܠܝܪ). Часто использован у него глагол ܦܬܓܡ, причем от греческого корня πείσαι образованы в полном соответствии с парадигмой глагольных форм сирийские породы Аф'ел (ܐܦܬܓܡ) и Ettaf'al (ܐܬܬܦܥܠ или ܐܬܬܦܥܠ). Глагол ܦܬܓܡ наряду с другими словами греческого происхождения отмечен также и в «Послании» Мары бар Серапиона. По мнению А. Шалля, эти слова были тогда в сирийском языке достаточно «домашними», поскольку в таком письме чисто личного характера, как послание Мары бар Серапиона к сыну, автор не нуждался в употреблении научных терминов и выражений, как, например, Бардесан в своем «Диалоге».[41]

---

[38] Die Akten der edessenischen Bekenner. . . , S. XIII—XIV.

[39] Moesinger G. Acta ss. martyrum Edessenorum Scharbelii, Barsamae. Insbruck, 1874, p. 45.

[40] Schall A. Studien über griechische Fremdewörter im syrischen. Darmstadt, 1960.

[41] Ibid., p. 31.

Греческое слово κοιτών — ܩܝܛܘܢܐ, которое использовано в нашей повести, встречается наряду с другими в романе об Ахикаре. Мы имеем в этом памятнике древнейший пласт заимствованных слов из греческого; большинство из них оформлено соответственно нормам сирийской грамматики: греческие окончания утрачены и заменены на ā в St. emph. — свидетельство того, что они вошли в состав сирийской лексики и были понятны сирийскому читателю и по форме, и по значению. Исходя из всего изложенного, можно сделать вывод, что греческие слова, которые встречаются в сирийском тексте повести о Евфимии, не являются свидетельством ее греческого происхождения, поскольку ими пользовались многие сирийские писатели и они легко могут быть найдены в ряде исконно сирийских сочинений самых разных жанров, направлений и хронологических рамок.

Важно отметить в связи с этим одну закономерность словоупотребления, которая говорит еще раз в пользу сирийского происхождения повести о Евфимии. В тех случаях, когда в сирийском тексте встречается то или иное греческое слово, в соответствующем греческом отрывке стоит обычно его синоним. Так, если по-сирийски сказано ܥܒܕܘ ܬܫܡܫܬܐ ܕܥܒܕ (И сделали запись о браке),[42] то в греческом тексте этому соответствует καί προικῴων συμβολαίων ἔγγραφα (И брачный контракт был написан).[43] В первом случае в качестве компонента в словосочетании «брачный договор» использован термин φερνή — ܡܗܪܐ, во втором — προικῶος.[44] Далее: ܘܢܣܒ ܠܗ ܝܡܝܢܗ ܘܫܕܪ ܠܗ ܠܓܘܫܡܐ ܕܩܕܝܫܐ ܕܡܘܕܝܢܐ (И взяла ее правую руку и возложила ее на гроб святых исповедников).[45] В греческом тексте: καί παραστάντων αὐτῶν τῇ τῶν ἁγίων λάρνακι. . . (И когда они предстали перед гробом святых. . .).[46] В первом случае «гроб» — γλωσσόκομον (ܓܠܘܣܩܘܡܐ), во втором — λάρναξ. Несколькими строками ниже в сирийском тексте стоит то же γλωσσόκομον, в греческом же появляется новый синоним — σορός. И т. д.

Поскольку греческие слова в приведенных примерах не имеют буквальных соответствий в параллельных греческих отрывках, можно сделать вывод, что они были взяты сирийцем не из данного конкретного текста, а из сирийского лексикона.

Наибольшие затруднения вызывает истолкование термина ܫܛܪܐ. Судя по контексту, в нашей повести это слово значит «запись», «протокол»: ܥܒܕ ܫܛܪܐ ܕܥܒܕ ܡܢ ܩܕܡ ܕܥܠ ܕܢܦܩ ܕܥܒܕ ܕܥܠ ܕܣܦ — «И сделали запись (всех обстоятельств) дела, как (это) было от начала и до конца».[47]

Словарь К. Броккельмана не включает этого термина. Р. Пейн-Смит дает его в соответствующем значении «запись», «протокол», но в контексте, полностью адекватном нашему, из которого он, по-видимому, и вывел это значение.[48] В греческом тексте сирийскому ܫܛܪܐ соответствует διδα-

---

[42] Nau F. Hagiographie syriaque, p. 68.

[43] Die Akten der edessenischen Bekenner. . . , S. 156.

[44] Следует отметить, что эти термины в сирийской и византийской юридической практике определяли и разное содержание. Если в греческих текстах φερνή синонимично προικῶος и обозначает имущество или ценности, которые женщина, вступая в брак, приносит с собой из дома родителей, т. е. приданое (см. Pauly—Wissowa. Real-Encyclopaedie der classischen Altertumwissenschaft, XXIII—I. Stuttgart, 1957, S. 167), то в понятие ܡܗܪܐ в нашем контексте и в других сирийских источниках входят подарки жениха невесте или ее родителям, т. е. выкуп за невесту. См.: J. Payne Smith. A compendious syriac dictionary. Oxford, 1903, p. 462.

[45] Nau F. Hagiographie syriaque, p. 69.

[46] Die Akten der edessenischen Bekenner. . . , S. 69.

[47] Nau F. Hagiographie syriaque, p. 179.

[48] ܩܕܡܝܐ ܕܣܦܪ ܫܛܪܐ ܕܥܒܕ См.: Thesaurus syriacus, auxit digessit exposuit edidit R. Payne Smith. Oxonii, 1879, p. 888.

σκαλία, что в соответствии со всеми словарями греческого языка значит «наука», «обучение», «знание», «познание» и т. п. Ни один из словарей не фиксирует значения «протокол», «запись».[49] В связи с этим возникает затруднение при переводе данного греческого отрывка.

Крайне полезным для нас оказался в данном случае лексикографический словарь Бар Бахлула (XI в.), названный им ܦܫܩܢܐ ܕܣܘܪܝܝܐ ܘܝܘܢܝܐ ܕܡܠܬܐ («Толкование сирийских и греческих выражений»).[50] В соответствующих словарных статьях он помещает слова ܣܝܠܘܬܐ и ܣܝܠܘܬܐ и приводит их сирийский эквивалент — ܥܕܬܐ,[51] что значит «обвинение», «жалоба», «обвинительный акт для предъявления суду».

Последнее значение вполне отвечает нашему контексту, где речь идет о документе, фиксирующем все обстоятельства дела, в связи с которым было возбуждено судебное разбирательство против гота. Следовательно, автору нашей повести и это слово могло быть известно независимо от греческого текста ее.

Следует привести еще толкование сирийского слова, данное Бар Бахлулом, которое объясняет кажущуюся нелогичность одного эпизода повести и этим самым свидетельствует в пользу первичности сирийского текста.

Домогаясь руки Евфимии, гот приносит ее матери золото, говоря ей: «Видишь, нет у меня жены!». И умудренная жизненным опытом женщина, которая прежде отвергала все мольбы и клятвы чужестранца, будучи уверена, что на родине у него есть и жена, и дети, при виде принесенного подарка дает согласие на этот брак.

Проще всего было бы заподозрить ее в корыстолюбии, однако такое объяснение противоречит общей характеристике этого образа, данной автором. София — женщина верующая и страстно любящая свою единственную дочь. Она не пошла бы на компромисс с совестью и не приняла решения в ущерб интересам дочери. В данном случае она именно поверила готу, поверила в тот самый момент, когда увидала принесенное им золото, на что он, судя по контексту, и рассчитывал.

Разгадку следует искать, очевидно, в определении самого золота, о котором идет речь: деньги это, слиток или золотые украшения? В сирийском тексте после слова ܕܗܒܐ («золото») стоит глагол ܦܫܩ, который имеет следующие основные значения: 1) плавить, отливать, выковывать, гравировать; 2) создавать, приготовлять. Существительное от этого корня ܦܫܩܐ означает какое-нибудь изображение или орнамент, выгравированные на изделии из металла, чаще всего из золота. Следовательно, в тексте речь идет о золотом украшении, на котором нанесен орнамент или рисунок, имеющие, очевидно, символический характер свадебного подарка. Наше предположение подтверждается данными словаря Бар Бахлула, который,

---

[49] Греческо-русский словарь, составленный А. Д. Вейсманом (СПб., 1899), дает значение множественного числа, близкое искомому: записи о представленных драмах с обозначением имени автора, времени представления и т. д. (с. 324). У Софоклиса есть значение «документ», но для другой формы—τό διδασκαλικόν. См.: Greek lexicon of the roman and byzantine periods by E. A. Sophocles. New York, 1893, p. 377.— Следует отметить, что О. Гебхардту это значение было известно. В одном из примечаний в очерке истории греческого текста он пишет: διδασκαλία — «отчет», «доклад» (Informationbericht) в более поздней редакции поясняется посредством δήσις —«прошение», «ходатайство» (Bittschrift). См.: Die Akten edessenischen Bekenner. . . , S. LIII.

[50] В состав словаря Бар Бахлула полностью вошли все глоссы из лексикографического словаря Ḫунейна ибн Исḥāḳа (IX в.), который посвятил свой труд специально толкованию греческих заимствований в сирийском языке и назвал его соответственно ܦܫܩܐ ܕܝܘܢܝܐ ܕܡܠܬܐ ܕܣܘܪܝܝܐ См.: Райт В. Краткий очерк сирийской литературы с. 149.

[51] Lexicon syriacum auctore Hassano Bar Bahlule. Voces syriacas graecasque cum glossis syriacis et arabicis complectens ex pluribus codicibus edidit et notulis instruxit Rubens Duval, I. Parisiis, 1888, p. 562, 568.

объясняя греческое φερνή, пишет следующее: «ܡܗܪܐ — это то, что жених дарит своей невесте, будь то золотые гравированные украшения ܫܥܠܐ (или ܕܗܒܐ ܕܥܒܝܕ ܡܢ ܟܣܦܐ в нашем тексте, — *А. П.*), утварь, раб, рабыня (или что-нибудь другое)».[52] Кроме того, он приводит арабские эквиваленты مهر، اقراط، جهاز، صداقة, что значит соответственно «выкуп за невесту», «серьги», «свадебный подарок».

В греческом тексте гот предлагает в качестве подарка κατασκευασθέντα χρύσεον κόσμον — приготовленное золотое украшение (украшение, изготовленное из золота). Это выражение является калькой сирийского ܕܥܒܝܕ ܡܢ ܟܣܦܐ. Глагол κατασκευάζω значит «приготовлять», «снаряжать», «учреждать» и т. д. Греческий автор взял не конкретное, основное значение сирийского корня (отливать, гравировать), а общее, производное (изготовлять), утратив при этом оттенок символичности подарка и не сумев передать всей специфики ситуации.

Приведем еще два случая перевода-кальки привычных в сирийском языке выражений.

О новорожденном младенце героини повести в сирийском тексте говорится ܒܪܐ ܕܕܟܪܐ, т. е. сын мужского пола. Это кажущееся странным на первый взгляд уточнение пола при слове «сын» является для семитских языков вполне обычным, устойчивым выражением. Оно употребляется в особо торжественных или драматических случаях, когда хотят подчеркнуть значительность события: родился не просто ребенок, а сын, мужчина — наследник и продолжатель рода. В нашем контексте это выражение служит для усиления порицания гота, который так жестоко обошелся с Евфимией в то время, как она родила ему дитя, да еще сына.

В греческом тексте это выражение передано явно искусственным оборотом: παιδίον ἄρρεν χαρακτῆρα. Показательно, что в библейских текстах, там, где древнееврейские и сирийские стихи содержат выражение בֵּן זָכָר — ܒܪܐ ܕܕܟܪܐ, в греческой версии первое слово этого словосочетания опускается (например, Иер. XX, 15).[53]

Сирийский глагол ܦܠܓ в породе Pe'al имеет значение «делиться», «делить пополам». В породе Etpe'el, производной от первой, этот корень приобретает значение «сомневаться». Иногда глагол ܐܬܦܠܓ употребляется в сочетании с именем ܢܦܫܐ — «душа»: ܡܬܦܠܓ ܢܦܫܗ[54] — букв. «разделяющий свою душу», т. е. сомневающийся (ср.: быть раздираемым противоречиями).

В сирийской версии этот глагол употреблен в следующем контексте: ܐܬܦܠܓ ܗܘܐ ܠܗ ܕܢܬܝܕܥ ܒܫܪܪܐ — «...усомнился и решил удостовериться в истине...».[55]

В греческом тексте эта фраза воспроизведена, как нам кажется, в виде кальки: καὶ πρὸς ἀπιστίαν καὶ πίστιν τῆν ψυχήν μεριζόμενος ἐβούλετο πληροφορίαν ἔχειν περὶ τῆς ἀληθείας — «и, на неверие и веру разделив душу, решил убедиться в истине».[56]

При сравнении обоих текстов обнаруживаются текстуальные расхождения, свидетельствующие в пользу того, что сирийский текст был оригинальным, а греческий — переводным. Как мы уже неоднократно отмечали, автор повести использовал «Хронику» Иешу Стилита, поэтому приведем для сопоставления параллельный отрывок и из этого сочинения:

---

[52] Ibid., II. Parisiis, 1894, p. 1628.
[53] См.: Biblia Hebraica. Ed. Rud. Kittel. Lipsiae, 1906, p. 677.
[54] См.: R. Payne Smith. Thesaurus syriacus. . . , t. II, p. 3135.
[55] Nau F. Hagiographie syriaque, p. 176.
[56] Die Akten der edessenischen Bekenner. . . , S. 182.

Хроника Иешу Стилита	Сирийская версия повести о Евфимии	Греческая версия повести о Евфимии
ܘܥܒܕ ܡܫܝܚܐ ܕܥܠ ܐܪܥܐ ܕܪܘܡܝܐ ܕܢܦܠܘ ܒܗ ܫܒܝܐ ܕܐܪܡܝܐ ܕܐܬܘ ܠܬܚܘܡ ܡܕܝܢܬܐ ܕܐܬܝܢ ܠܗ ܡܢ ܡܕܝܢܬܐ ܕܐܪܡܝܐ ܕܐܬܝ ܠܗ ܠܡܠܟܘܬܐ ܕܪܘܡܝܐ ܕܗܘ ܡܫܬܠܛ ܒܗ ܐܦܝܠܘ ܠܡܕܝܢܬܐ ܕܐܪܡܝܐ ܕܐܬܝ ܠܗ ܠܡܠܟܘܬܐ ܕܪܘܡܝܐ ܕܗܘ ܡܫܬܠܛ ܒܗ ܐܦ ܠܡܕܝܢܬܐ ܕܐܪܡܝܐ ܕܐܬܝ ܠܗ ܠܡܠܟܘܬܐ ܕܪܘܡܝܐ ܕܗܘ ܡܫܬܠܛ ܒܗ ܐܦ ܠܡܕܝܢܬܐ ܕܐܪܡܝܐ ܕܐܬܝ ܠܗ ܠܡܠܟܘܬܐ ܕܪܘܡܝܐ ܕܗܘ ܡܫܬܠܛ ܒܗ ܐܦ	ܒܫܢܬ ܫܒܥ ܠܡܠܟܘܬܗ ܕܩܣܪ ܩܣܪ ܕܪܘܡ ܕܐܬܐ ܠܡܬܚܘܡ ܡܕܝܢܬܐ ܕܐܪܡܝܐ ܕܐܬܝ ܠܗ ܡܢ ܡܕܝܢܬܐ ܕܐܪܡܝܐ ܕܐܬܝ ܠܗ ܠܡܠܟܘܬܐ ܕܪܘܡܝܐ ܕܗܘ ܡܫܬܠܛ ܒܗ ܐܦ ܠܡܕܝܢܬܐ ܕܐܪܡܝܐ ܕܐܬܝ ܠܗ ܠܡܠܟܘܬܐ ܕܪܘܡܝܐ ܕܗܘ ܡܫܬܠܛ ܒܗ ܐܦ ܠܡܕܝܢܬܐ ܕܐܪܡܝܐ ܕܐܬܝ ܠܗ ܠܡܠܟܘܬܐ ܕܪܘܡܝܐ ܕܗܘ ܡܫܬܠܛ ܒܗ ܐܦ	Ἐν ἔτει ἑβδόμῳ καὶ ἑπτακοσιοστῷ κατὰ Ἀλέξανδρον τὸν τῶν Μακεδόνων βασιλέα τὸ πονηρὸν ἔθνος καὶ ὀλέθριον, Οὕννοί φημι, ἐπελθόντες τοῖς Ῥωμαϊκοῖς μέρεσι καὶ πολλοὺς καὶ διαφόρους τόπους πορθήσαντες καὶ πλείστην παραλαβόντες αἰχμαλωσίαν ἐχώρησαν ἄχρις τῶν περὶ τὴν Ἔδεσαν τόπων. ταύτης ἕνεκα τῆς αἰτίας στρατιωτικαὶ δυνάμεις τὴν πόλιν κατειλήφασιν ἐκ διαφόρων ἀθροισθεῖσαι κλιμάτων καὶ πολὺν ἐνδιέτριψαν ταύτῃ χρόνον.
. . . опустошения и увод в рабство, произведенные гуннами в ромейских землях в 707 г., в дни царей Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия Великого, когда вся Сирия находилась в их руках благодаря предательству епарха Руфима и слабости стратилата Аддая.	В 707 г., по летосчислению греков, вышли гунны, (направлясь) к земле ромеев. Они завоевали страну и брали в плен (ее жителей). Так дошли вплоть до Эдессы. И не дал стратилат Аддай, который был в это время, выступить жителям против них из-за измены, которая была в центре. И по этой причине спустились войска ромеев и осели в Эдессе на долгое время.	В 707 г., по летосчислению Александра, царя македонян, злодейский, бесчестный народ, называемый гуннами, пришел в ромейские пределы, подчинил многие страны и произвел широкое пленение, вплоть до областей, прилегающих к Эдессе. По этой причине войска, собранные из разных стран, захватили город и остались в нем на долгое время.
The chronicle of Joshua the Stylite, p. 9—10.	N a u F. Hagiographie syriaque, p. 67.	Die Akten der edesseni-schen Bekenner. . ., S. 150.

Как явствует из приведенных текстов, связь между параллельными отрывками из «Хроники» Иешу Стилита и повести о Евфимии очевидна. Автор последней только более подробно излагает события внутриполитической жизни, раскрывая, в чем именно состояла «слабость Аддая»: в том, что он не дал жителям Эдессы выступить против завоевателей. Сообщая об измене, «которая была в центре», он имел в виду предательство епарха Руфина, о котором известно по другим источникам. Руфин пытался захватить престол Аркадия и с этой целью призвал варварский народ гуннов в ромейские земли.[57]

[57] Н. В. Пигулевская (Сирийская легенда об Александре Македонском. — Палест. сборник, 1958, вып. 3 (66), с. 79) приводит в связи с этим свидетельства Сократа и Клавдиана.

В греческом тексте упоминание об этих событиях отсутствует вовсе, в результате чего нарушена логическая последовательность изложения и искажен самый текст, из которого вытекает, что Эдессу захватили гунны; вторгшись в ромейские пределы, они дошли до Эдессы и «по этой причине» захватили город. Не говоря уже о том, что в этой версии совершенно необоснованной выглядит причинная связь событий, серьезное искажение исторической действительности состоит в том, что на самом деле речь идет о войсках ромеев, которые пришли в Эдессу как союзники, чтобы защитить ее от натиска неприятеля. Автор греческой версии не усматривал, по всей вероятности, в своем сообщении никаких противоречий, поскольку, говоря о «войсках, собранных из разных стран», он, возможно, имел в виду именно ромеев, армия которых комплектовалась, как известно, из представителей самых разных народностей, населявших обширные территории Византийского государства: греков, коптов, сирийцев, армян и т. д. Искажение произошло непроизвольно, в результате чисто механического изъятия сообщения об измене Руфина и сомнительной роли стратилата Аддая — в силу тенденциозности автора или просто для краткости — прием, к которому он прибегал неоднократно, о чем свидетельствует сам на одной из страниц повествования.

Далее мы приводим отрывок (в соответствующем контексте), который в греческой редакции пропущен.

ἐνέγκας δὲ καὶ τὸν κατασκευασθέντα χρύσεον κόσμον, προσήνεγκεν τῇ γυναικί ἐν τούτῳ μάλιστα πείθων αὐτὴν μεδαμῶς ἀυτὸν γαμετὴν ἔχειν.

И принесся приготовленное золотое украшение, протянул (его) женщине, рассчитывая этим более всего убедить ее, что никакой жены у него нет.

И принес золото, которое он выгравировал, и положил его перед ней, говоря: «Смотри, нет у меня жены!».

δεῖ δὲ λοιπὸν παραδραμόντα με τὰ πολλά ἕτερα μεταξύ ῥηθέντα τε καὶ πραχθέντα τῇ συντομία περαιῶσαι τὸν λόγον.

Следует мне пропустить остальное из того многого, что было сказано и сделано, чтобы завершить рассказ.

Вот многочисленные украшения для твоей дочери, я взял и выгравировал. И много еще даров сделаю я ей. Она же, женщина, снова сказала ему: «Что ты досаждаешь мне? Я женщина одинокая, уйди от меня!» Он еще настойчивей стал уговаривать ее и еще усиленнее клялся. И долго еще препиралась мать девушки с этим готом. Потом она сказала: «Не могу я, чтобы ты увез от меня мою дочь в такую даль!». Он же поклялся: «Если ты отдашь ее мне, мы скоро вернемся из нашей страны — я и она — и поселимся оба у тебя.

ܗܘܬ ܠܗ ܐܢܬܬܐ ܕܢܫܒܥ ܠܗ ܡܢ ܡܠܬܗ ܕܫܘܝܐ ܘܕܫܘܝܐ ܕܡܘܡܬܐ ܕܥܒܕ ܥܡ ܓܘܬܐ ܗܢܐ.

После того, как услыхала женщина эти настойчивые клятвы, она сдалась.

Nau F. Hagiographie syriaque, p. 68.

Ἡττήθη τοιγαροῦν ἡ γυνὴ τοῖς πονηροῖς καὶ ἀθέοις τοῦ Γότθου δελεάσμασιν

После этого прельстилась женщина грубыми и безбожными обещаниями гота.

Die Akten der edessenischen Bekenner. . ., S. 154—156.

Мотивы, которыми руководствовался автор, сокращая этот текст, в данном случае совершенно очевидны. Пропущенный отрывок частично повторяет то, что уже было изложено выше: сообщение о приготовлении золотого украшения, жалоба матери, которая повторена почти дословно («Что ты досаждаешь мне? Я женщина одинокая, покинутая, и не могу я этого сделать!»). Часть этого отрывка в греческом тексте перемещена, в результате чего достигнута бóльшая стройность повествования. Такая редакционная работа предполагает наличие какого-то готового, т. е. сирийского, текста,[58] в то время как повторы и некоторая сбивчивость изложения характерны скорее для первичной записи. Более того, повторы эти, как и непоследовательность в поведении женщины, могли быть сознательным приемом сирийского автора, чтобы показать мучительные колебания матери и те «продолжительные словопрения», которые были между нею и готом. Она то соглашается на его уговоры, обратившись к богу и вверив ему свою судьбу, то отказывается опять, приводя все новые и новые доводы, и, наконец, сдается окончательно.

В греческом тексте непосредственно за обращением к богу следует сообщение о согласии матери и заключении брачного контракта — изложение стало более гладким, но и более сухим. Подобные изменения текста отмечаются на всем его протяжении.

Это говорит, как нам кажется, о том, что неизвестный греческий писатель сделал перевод с сирийского, не заботясь особенно о точности отражения оригинала. Подобная вольность обращения с текстом была бы абсолютно недопустима в сирийском переводе. Сирийцы, воспитанные на переводах философских и медицинских сочинений, где точность передачи медицинской терминологии и философских понятий была необходимым залогом успеха, перенесли этот принцип и на сочинения других направлений и жанров.

Поньо в своем введении в исследование «Афоризмы Гиппократа», говоря о буквальности сирийских переводов с греческого и о методах, которыми пользовались сирийские переводчики, писал, что «в трудных

[58] Можно было бы предположить, что здесь от первого лица выступает переписчик, который, сокращая текст первоначальной рукописи, уведомляет об этом читателя. Однако ни одна из дошедших до нас и учтенных О. Гебхардтом при публикации рукописей — их около полутора десятков — не содержит новой редакции, отличной от тех двух, которые он приводит. Древнерусский перевод с греческого отражает ту же редакцию: «Лѣпо же ми есть, еже между има инаа многа глаголаніа и рѣчи и дѣаніа вкратцѣ изрещи» (Великие Минеи Четьи, М., 1899, с. 2046).

случаях они передавали греческие слова описательно. Более того, они не боялись изображать непонятное греческое слово сирийскими буквами, оставляя читателю догадываться, что могут значить эти «варваризмы».[59] Другими словами, они не считали возможным опускать даже отдельные не понятные им слова и выражения, не говоря уже о целых отрывках. Аналогичное явление наблюдается и в сирийских переводах с других языков. Достаточно вспомнить в этой связи перевод со среднеперсидского «Калӣлы и Димны», близость которого к оригиналу становится особенно очевидна при сравнении с арабской версией Ибн ал-Мукаффы. Там, где последний пропускал целые отрывки, связанные с буддийскими верованиями (например, эпизод, где нашли отражение представления о переселении душ) или с индийской мифологией (эпизоды из «Махабхараты», где действуют герои Арджуна и Бхима), сирийский переводчик заботливо перенес эти эпизоды в свой перевод, хотя они не особенно удачно вписались в контекст и остались непонятны ни ему самому, судя по искаженной передаче имен героев, ни его читателям.[60]

Таким образом, на основе изложенного можно сделать, как нам кажется, окончательный вывод о том, что повесть о Евфимии и готе возникла в среде сирийцев, была записана впервые на сирийском языке и потом переведена на греческий. Об этом говорят и историко-литературные данные, и анализ языка обоих текстов.

A. V. Paykova

THE TALE OF EUPHEMIA AND THE GOTH

(Towards the establishing of the language of the original)

The article is devoted to the problem of origin the Tale of Euphemia. Analysed the historic and literary situation and the language of legende, the author thinks, that this work has appeared in Edessa and first was fixed in Syriac.

---

[59] Une version syriaque des aphorismes d'Hippocrate. Texte, traduction par H. Pognon. Leipzig, 1903, 1-ère partie, p. IV.

[60] Kalilag und Damnag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. . ., Leipzig, 1886, S. LXXV—LXXVI; Пайкова А. В. О значении древнесирийской версии Калӣлы и Димны.— КСИНА, 1965, 86, с. 43—44.